

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.036
УДК 811.161.1'282.2(470.1/.2) +
+ 811.511.1'373.45

О. В. Мищенко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СЕВЕРНОРУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ: ПОРОЧКА, ПЁРЫШ, ПЁРКО*

В статье предлагаются этимологические версии для нескольких севернорусских лексем: *порочка* 'сосуд в виде берестяного цилиндра с деревянным дном и крышкой для хранения и переноски молока, творога, муки и пр.', 'черпак', 'большая катушка для сматывания ниток', 'мотня невода' и пр., *пёрыш* 'ворот, лебедка', *пёрко* 'цевка прялки, ткацкая цевка'. Источником этих слов, по мнению автора, стало прибалтийско-финское гнездо с семантикой вращения и округлой формы: фин. *pyörä*, *pyörä*, карел. *püörä*, вепс. *pöruda* и пр. При решении этимологической задачи автор обращается к сходным в денотативном отношении прибалтийско-финским гнездам, эксплицируя логику их семантической организации. Выявленные принципы семантической организации этих гнезд указывают на то, что в прибалтийско-финском гнезде *pyörä* с большой вероятностью существовали дериваты, семантика которых соответствует семантике этимологизируемых севернорусских лексем. (В современном гнезде эти дериваты либо не сохранились, либо не зафиксированы.) Автор объясняет логику появления всех рассматриваемых значений.

Помимо семантической, обсуждается вопрос и структурной организации предполагаемых заимствований: рассматриваются возможности формальной стороны словообразовательного процесса на прибалтийско-финской почве и возможности словообразовательной адаптации — на русской. Кроме того, анализируется фонетическая адаптация. Выявляются возможные причины несовпадения гласного по ряду в этимоне и в заимствованном *порочка*, делается предположение о раннем — до перехода *e* > *'o* (или даже до смягчения полумягких) — характере заимствования. Вместе с тем, не исключается и возможность существования лексем с задним гласным в языке-источнике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: севернорусские говоры; языковые контакты; лексические заимствования; финно-угорский субстрат; прибалтийско-финские языки; этимология.

Ц и т и р о в а н и е: Мищенко О. В. Севернорусские этимологии: *порочка*, *пёрыш*, *пёрко* // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 212–226.

Поступила в редакцию 28.08.2018

Принята к печати 18.04.2019

* Исследование выполнено при поддержке РФФ в рамках проекта «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Olga V. Mishchenko

Ural Federal University
Yekaterinburg, RussiaNORTHERN RUSSIAN ETYMOLOGIES: *ПОРОЧКА*, *ПЁРЫШ*, *ПЁРКО*

This article puts forward etymological interpretations of several Northern Russian lexemes: *порочка* ‘a vessel in the form of a birch bark cylinder with a wooden bottom and a cover for the storage and transportation of milk, cottage cheese, flour, etc.’, ‘a scoop’, ‘a big reel of thread’, ‘a bunt’, etc., *нёрыш* ‘a winch, a hoist’, *нёрко* ‘a spindle, a bobbin of the spinning wheel’. According to the author, the source of these lexemes is the Finnic word family with the meaning of spinning and round forms: Fin. *pyörä*, *pyöriä*, Kar. *püörä*, Veps. *pöruda* and others. To solve this etymological problem, the author refers to denotatively similar Finnic word families and explicates the logic of their semantic organisation. The discovered principles of semantic organisation of these word families indicate that very probably there were derivatives in the Finnic word family *pyörä*, whose semantics coincides with the semantics of etymologised Northern Russian lexemes. (These derivatives either have not survived or are not recorded in the modern word family). The author explains the logic of the emergence of all the word meanings considered.

In addition to semantic organisation, the author considers the structural organisation of the supposed loanwords studying the possibilities of the formal aspect of the word-formation process in the donor language and the possibilities of word-formation adaptation in Russian. Besides, the article considers phonetic adaptation describing possible reasons for the discrepancy in the position of vowels in the etymon and in loanword *порочка*. The author assumes that this can be explained by the early nature of borrowing (prior to the *e* > *o* shift in Old Russian). At the same time, the author concedes that lexemes with a back vowel in the source language may also exist.

Key words: Northern Russian dialects; language contacts; loanwords; Finno-Ugric substratum; Finnic languages; etymology.

Acknowledgements

The study was sponsored by the *Russian Science Foundation*, project 17-18-01351 “Northern Russian Vocabulary and Toponymy through Language Contacts and Genetic Connections”.

Citation: Mishchenko, O. V. (2019). Severnoruskie etimologii: *porochka*, *piorysh*, *piorko* [Northern Russian Etymologies: *порочка*, *нёрыш*, *нёрко*]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 212–226.

Submitted on 28 August, 2018

Accepted on 18 April, 2019

По данным лексикографических источников, в севернорусских говорах зафиксирована лексема *порочка* (и ее варианты), обозначающая различного вида сосуды. Ареал бытования лексемы — западные и северные районы Архангельской области, запад Вологодской, восточные и северные районы Карелии,

Терский район Мурманской области, кроме того, слово отмечено в новгородских, тверских и ярославских говорах.

Приведем «посудные» значения с более подробным указанием географии:

- *пóроча* ‘берестяная чашка без ручки’ (Арх: Карг) [СРНГ, вып. 30, с. 84], *пóрочка, порóчка* ‘берестяной цилиндр с деревянным дном и крышкой — для хранения молока, сметаны, творога и т. д., для переноски жидких и сыпучих продуктов; туюс’ (Арх: Карг, Кон, Он, Плес; Влг: Выт) [КСГРС; СРГК, вып. 5, с. 84]; *порóчка* ‘лукошко для хранения муки’ (Влг: Череп) [СРНГ, вып. 30, с. 84];
- *пóрочка, порóчка, порóчечка, порóсечка, порóцеца* ‘корзинка, кузовок; корзинка из бересты’ (Арх; Влг: Влгд, Выт, Устюж, Череп; Новг; Олон; Твер; Яр) [СРГК, вып. 5, с. 84; СРНГ, вып. 30, с. 78, 84, 85];
- *пóрочка, порóчка, порóчек* ‘берестяной или деревянный черпак на длинном шесте, которым достают воду из колодца’ (Арх: Леш, Мез, Он, Пин, Плес, Прим, Холм) [КСГРС; СРГК, вып. 5, с. 84]; ‘деревянное ведро (деревянная бадья), которым достают воду из колодца’ (Карел; Карел: Беломор; Мурман: Тер), ‘ведро или шайка, насаженные на палку для черпания воды’ (Арх; Забайкалье), ‘парусиновое (или железное) ведро, привязанное к веревке, которым достают воду из-за борта судов’ (Карел: Беломор; Арх: Кем), ‘ковш для черпания воды из ведра’ (Мурман), ‘берестяной черпак на длинной ручке для черпания воды из родника’ (Арх) [СРНГ, вып. 30, с. 84–85];
- *порóчка* ‘шайка для мытья в бане’ (Арх: Пин), ‘лейка’ (Арх) [СРНГ, вып. 30, с. 84].

Добавим, что в словаре Даля лексема с теми же самыми «посудными» значениями и северной географией фиксируется еще и в форме *пóрка* [Даль, т. 3, с. 322]. В других лексикографических источниках такого варианта не отмечено.

Помимо названия различного вида емкостей — туюсов, корзинок, лукошек и черпаков, в олонецких, тверских и новгородских говорах слово выступает также и в качестве прядильно-ткацкого термина, обозначая катушку для сматывания ниток: *пóрочка, порóчка* ‘большая катушка, на которую сматывают нитки с веретен’ (Арх: Карг; Твер), ‘большая катушка из луба для навивки пряжи’ (Олон: Петр) [СРНГ, вып. 30, с. 85]; *порóчка* ‘круглый полый предмет, обычно из фанеры, высотой около семидесяти сантиметров, используемый для наматывания нитей’ (Новг) [НОС, с. 912].

В СРНГ зафиксировано также *порóчка* ‘толстая женщина или девушка, толстуха’ (Твер) [СРНГ, вып. 30, с. 85].

На наш взгляд, происхождение приведенных лексем связано с прибалтийско-финским источником. Ср. следующее гнездо: фин. *pyörä* ‘колесо (напр., повозки, прятки); вращающаяся задвижка двери, щеколда; вихор в волосах’, *pyörö* ‘круглый, вертящийся; кружок, колечко’, *pyöry* ‘круг’, *pyörylä* ‘круг, кружок, колечко’, *pyörykkä* ‘шарик, кружочек’, *pyöreä* ‘круглый, обтекаемый’, *pyöriä* ‘вертеться, крутиться, вращаться, кружиться; катиться’, *pyörittää* ‘крутить, вертеть, вращать; катать, катить’, *pyöriäinen* ‘вихрь; вихор в волосах’, *pyörtää* ‘огибать, окружать,

кружить, вращать, скручивать, согнуть', *pyörtämä* 'водоворот', *pyörtävä* 'то же; вихор в волосах', *pyörre* 'завихрение, закручивание (напр., воды, ветра, волос)'; карел. ливв. *püörä* 'колесо (напр., повозки), вихор в волосах, щеколда', *püörö* 'обруч, бандаж', *püöröi* 'колесо, диск, шайба; щеколда двери; круглый пирог', *püörükäini* 'круглая рама, коробка; обод; круглый сруб, каркас; волчок, юла; вихор в волосах', *püöritteä* 'крутить, вертеть, вращать, катать', *püörteä* 'делать круглым', *püörtöä* 'срезать кору с комля дерева, чтобы оно засохло'; люд. *püörü* 'щеколда', *püörülaine*, *püöräk* '(четырёхсторонний) инструмент азартной игры (видимо, рулетка. — О. М.)', *püörähäin*, *püöräkkö* 'вертушка, флюгер', *püörüs* 'круглый'; вепс. *pörö* 'вихор волос', *pöruda*, *peruda* 'вертеться, крутиться', *pörjäne* 'вертушка' и др.; вод. *põrä* 'колесо; круглый оселок', *põr* 'точило', *põrittä* 'вертеться, крутиться', *põrittä* 'вертеть, крутить, вращать' и др.; эст. *pöör* 'щеколда двери; колесо; рулон, свиток, катушка, бобина, диск', 'отворот, загиб', *pööruda* 'поворачиваться', *pöörda* 'возвращаться, поворачивать; гнуть, сгибать; поворачиваться; гнуться, сгибаться, загибаться', *pööre* 'отворот, загиб; поворот', *põrus* 'мутовка', *pöorus* 'гнуть, загибание, вращение' и др.; лив. *p igrā*, *p igrā*: *p. lā'dā* 'крутить, вращать', *p igr* 'карусель', **pēör* 'крутить, вращать; гнуть, сгибать, загибать, поворачивать' [SKES, s. 677–679; SSA, osa 2, s. 454–455].

Рассмотрим семантическую сторону сопоставления. Для приведенных выше севернорусских лексем характерно сочетание семантики сосудов разного типа и семантики катушек. Оно объясняется сходством во внешнем виде и технологии изготовления тех и других. Первичные «посудные» значения лексем связаны, вероятно, с берестяными или деревянными сосудами цилиндрической формы. Именно так выглядит туес (одна из основных реалий, обозначаемых словом *порочка*), представляющий собой берестяную трубку с дном и крышкой. То же самое можно сказать и о колодезном черпаке (еще одна основная реалья): по сути, это тот же самый туес, но с приделанным к нему шестом. Обратим также внимание, что и другие сосуды, фигурирующие в качестве денотата слова *порочка*, — ведро, бадья, шайка — имеют цилиндрическую, округлую форму.

Аналогичную — цилиндрическую — форму имеют и катушки. Более того, технология их изготовления соответствует технологии изготовления берестяных сосудов: бересту (а также луб, фанеру — для катушек) сворачивают, сгибают в трубку. Эта трубка и представляет собой тело катушки или туеса, только у туеса делается еще дно, а у катушки — нет. Ср.: «С веретен развивали на порочку, такие круглы, как кадки, только без дна, сделаны как из корины»; «У нас порочки из осины сделаны. Это как кабочка, на нее наматываешь пряжу»; «Порочка делалась из осины или липы, имеет форму бочки, сматывали пряжу. Вместо дна и верхней крышки может быть крестовина или поперечная доска» [НОС, с. 912].

Добавим к этому, что для прибалтийско-финских языков вполне типично сочетание в одном этимолого-словообразовательном гнезде семантики цилиндрических сосудов и семантики катушек, а также сочетание того или другого значения с семантикой трубок, трубообразных предметов. Ср., например:

- фин. *töttö* ‘берестяной рожок; деревянная трубочка’, ‘берестяная высокая посуда для ягод’, *tötöttää* ‘дуть или говорить в трубку или воронку’, карел. ливв. *töttö* ‘трубочка; свиток, рулон’ [SKES, s. 1508; SSA, osa 3, s. 364];
- фин. *turu* ‘труба, трубка’, ‘рожек пастуха’, карел. ливв. *turu* ‘пастушья труба из осины; трубочка, свиток, рулон, сверток; катушка, бобина’ [SKES, s. 1430];
- фин. *torvi* ‘труба, трубка’ [ФРС, с. 651], *torvikko* ‘деревянная посуда’, *torvo* ‘кулек, фунтик; трубкообразный сверток (из ткани, бересты)’, карел. ливв. *torvi* ‘(берестяная) трубка; свиток ткани; трубочка’, вепс. *toŗv*, *torv* ‘трубка’, *toŗvik* ‘полый обрубок осинового кряжа, используемый для наматывания ниток; большая катушка’ [SKES, s. 1357–1358; SSA, osa 3, s. 313];
- фин. *pusu* ‘берестяная посуда, посуда для переноски простокваши; высокая корзина или лукошко, туес, сделанные из лучины’, *pusakko*, *pusikko* ‘маленькая, круглая, без ручек деревянная посуда’, карел. ливв. *puzu*, *pužu* ‘берестяная коробочка, берестяная посуда с крышкой для масла, соли или молока’, люд. *puzu* ‘цилиндрическая берестяная посуда’, *puziine* ‘катушка, на которую наматываются нитки с мотовила при подготовке к тканью’, вепс. *puzi*, *puziïne*, *pužik* ‘корзинка, лукошко, кузовок’ [SKES, s. 660; SSA, osa 2, s. 441]¹.

Как уже говорилось, для семантической корреляции ‘цилиндрическая посуда, туес’ — ‘катушка’ значимы могут быть как внешний облик реалий, так и технология их изготовления, связанная со сворачиванием, скручиванием куска бересты, луба и пр. Вообще семантика сворачивания часто является актуальной для прибалтийско-финских гнезд, включающих в себя значения цилиндрической посуды, туеса, катушек и разного рода трубкообразных предметов. Актуальность представлений о скручивании, сворачивании проявляется и в связи с другими значениями, часто представленными в гнездах такого типа: это семантика узлов, свертков, рулонов, свитков, а также предметов в форме конуса — фунтиков, воронок, различных рожков и т. п. Все эти предметы получают путем сворачивания и имеют округлую, обтекаемую форму — именно в силу этого названные значения и объединяются в пределах одного гнезда. Ср. наличие подобной семантики в приведенных выше примерах прибалтийско-финских гнезд. Еще примеры гнезд такого рода см. в [Мищенко, 2007; 2015]².

Таким образом, для лексики *porocka*, если исходить из версии о ее финно-угорском происхождении, очень вероятно актуальность семантики сворачивания, скручивания и близкой к ней. Именно это мы и наблюдаем в прибалтийско-финском гнезде — предполагаемом источнике русских лексем. При этом семантика вращения, кручения, округлой формы реализована в этом гнезде, в отличие от остальных приведенных выше, не только на денотативном, но и на понятийном

¹ Несколько более подробно и с большим количеством примеров отраженная в прибалтийско-финских языках связь представлений о туесе и катушке обсуждается также в [Мищенко, 2015, с. 248–250].

² В работе [Мищенко, 2007] более подробно рассматривается связь различных значений, объединенных в прибалтийско-финских языках представлениями о сворачивании, скручивании, — прежде всего речь идет о семантике трубкообразных и конических предметов.

уровне. Подчеркнем, что именно факт значимости обсуждаемой семантики для осмысления таких явлений как туес, катушка и др. в прибалтийско-финских языках убеждает в справедливости этой этимологической версии.

Кроме того, нельзя не заметить, что являющаяся центром гнезда семантика вращения, кручения напрямую связана также и с функциональной составляющей представлений о катушке: ведь суть катушки как раз и состоит в том, что она вращается, в результате чего на нее кругами наматывается нитка.

Помимо всего сказанного, обращают на себя внимание и некоторые представленные в прибалтийско-финском гнезде конкретные значения, на денотативном уровне переключаясь с семантикой этимологизируемых русских лексем. Прежде всего это значение ‘гнуть, сгибать, загигать’, наиболее точно отражающее технологию изготовления основы туеса или катушки из бересты или других материалов такого рода; семантика ‘круглая рама, обод’ может быть соотнесена, например, с ободом решета — реалией очень близкой и к туесу, и к катушке. Ср. также карел. ливв. *püörtöä* ‘срезать кору с комля дерева, чтобы оно засохло’: за этим обозначением явно стоит именно круговое срезание коры; как известно, таким способом заготавливают материал для последующего изготовления туесов и катушек.

С предлагаемой этимологической версией хорошо согласуются и другие значения севернорусских лексем. Так, к обсуждаемому источнику, по-видимому, следует отнести и пск. *пороца́* ‘мотня у однокрылого невода для ловли сига’ [СРНГ, вып. 30, с. 84]. Для прибалтийско-финских гнезд интересующего нас типа, т. е. с семантикой трубок, туесов, катушек, свертков, разного рода конусов и пр., появлению семантики ‘мотня (хвост, мешок) невода’ вполне естественно, ср., например:

- фин. *suppi* ‘трубочка’, ‘фунтик’, ‘раструб мережи; узкий, сужающийся хвост рюжи, верши’, ‘узкое горлышко посуды’, *supukka* ‘мундштук (фактически вид полый трубочки. — О. М.)’, люд. *tšuppi* ‘заостренный конец рюжи, верши, хвост (мешок) невода’, вепс. *tšup* ‘хвост невода, сети’ [ФРС, с. 598; SKES, s. 1125; SSA, osa 3, s. 220];
- фин. *törö* ‘выступающий, торчащий или трубкообразный предмет, вещь (напр., носик посуды и др.)’, *törrö* ‘кулечек, сверток (бересты, бумаги), катушка’, карел. *töröly* ‘маленькая мережа, верша’, карел. ливв. *törökkiini* ‘узкая высокая посуда’ [SKES, s. 1507–1508; SSA, osa 3, s. 364].

Объясняется появление этой (‘мотня невода’) семантики, надо полагать, как внешним сходством конических и цилиндрических предметов с мотней невода (последняя являет собой подобие мешка, вытянутого в длину и связанного так, что стенки его сходятся конусом), так и представлением о закрытом, тесном, узком, замкнутом пространстве. Подобное — пространственное — осмысление обсуждаемых реалий — трубок, сосудов, конусов, воронок, узлов и пр. представлено в прибалтийско-финских языках и отражает видение этих реалий не снаружи, а изнутри. Ср. в приведенных выше примерах такие значения как ‘узкое горлышко посуды’ или ‘сверток’, ср. также следующие дериваты приведенного выше гнезда фин. *suppi* ‘трубочка, фунтик и др.’: фин. *suppi* ‘сжатое пространство

или объем', *supukka* 'узкий, тесный', карел. ливв. *tšurpi* 'внутренний угол', люд. *tšurpiine* 'угол комнаты' [SKES, s. 1125]. Об отражении такого типа восприятия пространства в прибалтийско-финских языках см. также [Мищенко, 2009; 2015, с. 252; Муллонен, с. 301]. Восприятие мотни невода в связи с оговоренными пространственными представлениями кажется вполне естественным, поскольку суть мотни как раз и состоит в том, чтобы создать для рыбы замкнутое, закрытое, тесное пространство, из которого она, попав туда, уже не могла бы выбраться. Вообще говоря, аналогичную функцию по пространственной локализации предметов выполняет и любая, имеющая стенки и дно, емкость — туюс, черпак, ведро, мешок и т. п. Кроме того, на мотню можно посмотреть и просто как на вместительное, т. е. «мешок», «корзину», для скапливающейся рыбы. Понятно, что всё это взаимосвязанные обстоятельства.

Отметим также, что обсуждаемое пск. *пороца* 'мотня невода' несколько отличается по форме от основного массива русских дериватов, которые представлены по большей части вариантом *порочка*. Исключение составляют приведенное в начале статьи и совпадающее с псковской формой арх. карг. *пороца* 'берестяная чашка без ручки', а также встретившаяся только у Даля форма *порка*. Фиксация формы *пороца* на двух удаленных друг от друга территориях приводит к мысли, что, несмотря на малую частотность, она вряд ли носит вторичный по отношению к варианту *порочка* характер. С этим предположением согласуется и арх. *порочивийце* 'длинная ручка у берестяного ковш' (Он) [СРГК, вып. 5, с. 84]. Попытаемся осмыслить структуру русских дериватов. Элемент *-ч-* в форме *пороца*, если исходить из предположения о ее вероятном невторичном характере, должен быть связан с каким-то аффиксом языка-источника, ср. в этом отношении, например, карельский глагольный отыменной суффикс *-iče, -ičšo, -ičšö* с континуативным (т. е. отражающим непрерывное продолжающееся действие) значением [Зайков, с. 109]. Нельзя не признать, что такая семантика аффикса очень хорошо соотносится с характером движения катушки при намотке нити. Ср. также следующую форму: карел. твер. *püörüöcie* 'кружиться' при карел. твер. *püörüö* 'вертеться, крутиться, кружиться' [СКЯТ, с. 225]. При этом как форма *пороца*, так и форма *порочка* вполне могут быть производными от такого аффиксального глагола на прибалтийско-финской почве. (Ср. характерные для прибалтийско-финских языков отглагольные суффиксы существительных: *-e(k), -o/ö, -u/ü*; а также *-kki* [ОФУЯ, с. 67–69].) Кроме того, вариант *порочка* может быть дериватом и от *пороца*, образовавшимся как в языке-источнике (ср. прибалтийско-финские отыменные суффиксы существительных: *-kka/kkä, -kko/kkö* [Там же, с. 64]), так и в русских говорах. Ну и, наконец, он может быть производным от рус. *порка* (если такая форма действительно существовала, причем в качестве заимствованной, а не вторичной). Последняя же, по всей видимости, представляет собой прибалтийско-финское образование отглагольного или, возможно, отыменного характера (суффиксы аналогичны обсуждавшимся выше).

Таким образом, появление обсуждаемых форм и значений, вообще говоря, могло идти разными путями. (Вероятно, не исключены и какие-то

другие словообразовательные ходы, помимо описанных, в том числе, возможность какого-то еще суффикса, который дал в русском рефлекс *-оч-*.) Выше было показано, что для обозначений катушки, туеса и мотни невода делать выводы о разнообразии деривационных возможностей позволяет не только «техническая», связанная с набором словообразовательных средств, но и семантико-мотивационная сторона вопроса.

Рассмотрим с этих позиций и другие значения. Представленная в русском гнезде семантика сосудов иного типа, т. е. не туеса, а прежде всего различных корзин и лукошек, о форме которых лексикографические источники ничего не говорят, может быть объяснена как расширением значения ‘туес’ до семантики сосуда вообще, так и на базе идеи свертывания, загибания (в нашем случае куска бересты или луба). При актуализации этой идеи, как показывает семантическое устройство прибалтийско-финских гнезд обсуждаемого типа, семантика цилиндрической, округлой формы может «отойти в тень» или даже совсем утратиться. (Например, в [Мищенко, 2007, с. 143, 148] такая ситуация обсуждается в связи с прибалтийско-финским гнездом *pilli*.) Следствием этого вполне могут быть значения типа ‘коробок, кузовок, лукошко’ и подобные: реалии, соотносимые с этими значениями, как известно, могут не иметь цилиндрической формы, но быть изготовлены из куска бересты путем загибания краев.

Приведенное выше твер. *порочка* ‘толстуха’ могло появиться в результате семантической деривации от ‘туеса’ или ‘катушки’. Однако согласованность семантики тверской лексемы с общей логикой устройства прибалтийско-финского гнезда может проявляться не только таким образом, но и через семантику округлой формы.

С обсуждаемым гнездом (судя по «географии»), видимо, связано и твер. *порóчка* ‘отделка на юбке’ [СРНГ, вып. 30, с. 85]. Такое значение вполне вписывается в логику устройства гнезда, если допустить, что это какая-то круговая отделка (на наш взгляд, вероятнее всего), или какой-то загиб, отворот, или тесьма в виде скрученного жгута, или еще что-нибудь подобное.

Рассмотрев семантическую и структурную стороны вопроса, обсудим фонетический аспект предлагаемого сопоставления, поскольку он нуждается в комментариях. Внимания заслуживает вокализм первого слога, который в прибалтийско-финских языках представлен преимущественно лабиализованными передними гласными: *üö, ö, õ*. Согласно Я. Калиме, во всех трех случаях субститутом прибалтийско-финских гласных является рус. *ё* (о с предшествующим мягким согласным), однако сам Калима отмечает при этом немногочисленность имеющихся примеров такого рода [Kalima, S. 53, 59]³. Современные исследования демонстрируют такую же картину [см. Мызников, с. 366–370].

³ Для приоб.-фин. *üö* > рус. ‘о’ фактически имеется единственный хорошо известный пример: рус. *нѣх-тать* ‘сбивать масло’ < карел. ливв. *püöhtä*- [Kalima, S. 59]; для приоб.-фин. *õ* > рус. ‘о’ в качестве надежной иллюстрации приводится лишь рус. *рѣча* ‘сырая погода со снегом’ < карел. *rõtšä*, карел. ливв. *rõnččä*; в отношении субституции приоб.-фин. *ö* > рус. ‘о’ Я. Калима приводит также единственную и при этом, как сам отмечает, довольно спорную этимологию [Ibid., S. 53].

В нашем случае рефлекс прибалтийско-финского вокализма представлен гласным заднего ряда. Нельзя сказать, чтобы соответствие приоб.-фин. *īō, ō* ~ рус. *о* не встречалось вовсе. Так, в русских говорах Северо-Запада наряду с вариантом *пѣхтать* 'сбивать масло' (< приоб.-фин. *püöhtä*- [Kalima, S. 59; Мызников, с. 237]), зафиксированы и формы с задним гласным в первом слоге: *пóхтанье*⁴, *пóхтус* 'ком масла весом фунт и больше' [СРНГ, вып. 30, с. 366]. Однако появление *о* в этом случае может объясняться различными, в том числе и не собственно фонетическими, причинами⁵. У Я. Калимы представлено также рус. *ропка* 'недоваренная каша', соответствием которому выступает карел. *röppö*, однако характер гласного в этом слове остается неясным, так как есть еще и вод. *rõppa* [Kalima, S. 53].

Тем не менее, несмотря на имеющуюся неопределенность в отношении субституции приоб.-фин. *īō, ō* > рус. *о*, появление такой субституции для анализируемых русских лексем кажется вполне закономерным и может быть связано с ранним — до начала действия перехода *e* > *о* — характером заимствования⁶. Поскольку до начала этого фонетического процесса сочетание *пѣ-* (как и любое другое сочетание мягкого согласного с гласным *о*) было нехарактерно для русского языка, оно, по-видимому, могло быть освоено как *по-*.

При этом для форм *пороча*, *порочка* можно предполагать (в случае неисконной природы компонента *-оч-*), что лабиализованный передний гласный был представлен в слове не только в первом, но и во втором слоге (**пѣрѣча*, **пѣрѣчка*). Это еще более усложняет «адекватную» передачу прибалтийско-финской фонетики — в силу необходимости произносить два слога с нетипичной, даже чуждой, структурой сразу друг за другом. Кроме того, следует обратить внимание, что в формах **пѣрѣча*, **пѣрѣчка* ни в первом, ни во втором слоге нет условий для перехода *e* > *о*, так как в обоих случаях последующий согласный является мягким. Фактически это означает, что данная фонетическая последовательность остается чуждой для русского языка вплоть до сегодняшнего дня — в силу повторяющегося дважды нетипичного окружения гласного *о* (*ѣ*). Таким образом, скорее всего, у нее не было шансов остаться непереработанной даже тогда, когда звук *о* (*ѣ*) был уже хорошо освоен русским языком. Вместе с тем, кажется, что предположение о раннем (до перехода *e* > *о*) характере заимствования все равно не исключается, поскольку после перехода, на наш взгляд, скорее, ожидалось бы варианты с гласным *ѣ* в одном из слогов — типа **пѣроча*, **пѣрочка* (по крайней мере, наряду с другими), но они не зафиксированы.

Последовательная адаптация по типу *порка*, *пороча* (т. е. с задним гласным) еще более вероятна, если заимствование произошло совсем рано — до смягчения

⁴ Значение этого слова в словаре не указано, однако есть отсылка к гнезду *пахтать* 'сбивать масло'.

⁵ Возможно, дело в контаминации (или в каких-то других отношениях) с распространенным здесь же глаголом *пахтать* 'встряхивать тесто, придавая ему определенную форму' [СРГК, вып. 5, с. 124], восходящим к прибалтийско-финскому этиму с задним гласным. Вообще вопрос о соотношении всех этих лексем, включая еще и рус. *пахтать*, остается открытым и требует отдельного рассмотрения.

⁶ Начало перехода *e* > *о* в севернорусских говорах относят ко времени не ранее XII в. [см., напр.: Иванов, с. 184–185].

в древнерусском языке полумягких согласных⁷. Поскольку до этого момента мягкость (полумягкость) *n* не осознавалась как самостоятельная фонемная характеристика, а обеспечивалась последующим гласным переднего ряда, сочетание **nĕ-* (< прибалтийско-фин. *pīd-, pō-*) должно было при освоении превратиться в *no-*, так как лабиализованный гласный *o* (~ прибалтийско-фин. *ō*), будучи в древнерусском языке гласным заднего ряда, не мог обеспечить полумягкость *n*. (Хотя если вариант *порка* носит вторичный характер, то погружение на еще большую хронологическую глубину для объяснения адаптационных процессов, скорее всего, излишне.)

Помимо объяснений, связанных с фонетическими процессами в русских говорах, нельзя исключить также и возможность существования незафиксированных (или несохранившихся) форм с задним гласным в первом слоге и в самих прибалтийско-финских языках, в частности, в языке-источнике — с учетом оноματοпозитического (дескриптивного в терминологии авторов SSA) характера гнезда, по крайней мере, как отмечает словарь, какой-то его части [SSA, osa 2, s. 455].

Вместе с тем, похоже, что в севернорусских говорах сохранились следы обсуждаемого прибалтийско-финского гнезда *pyörä* не только с задним, но и с передним вокализмом. Прежде всего и практически без сомнений сюда следует отнести пск. *пёруша* 'ворот на носу судна для подтягивания к берегу': «*Пёруша служит также для нагрузки товара взамен лебедки*», *пёрши, пёрыш, пёрыш, перыш* 'вертикально стоящий на берегу, в лодке и т. д. ворот (для поднятия паруса, тяги невода)', мн. *пёрыши* [СРНГ, вып. 26, с. 294, 297, 298]. Помимо очевидной связи с семантикой верчения, здесь любопытно также внешнее сходство ворота, лебедки с рулеткой для азартных игр: и если непосредственных обозначений первой реалии в современном прибалтийско-финском гнезде не обнаруживается, то обозначения второй там представлены (см. выше). В плане фонетики обращает на себя внимание наличие, помимо форм с гласным *ĕ*, также и форм с *e*. Это может быть результатом какой-то частной непоследовательности при переходе *e > 'o'*⁸, и в этом случае мы имеем дело с еще одним вариантом субституции прибалтийско-фин. *iïd-, ð-* (> рус. *e*). Вместе с тем ср. наличие в прибалтийско-финском гнезде вепсских и ливских дериватов с нелабиализованным передним гласным. Обе возможности, скорее всего, предполагают достаточно ранний характер заимствования. Аффиксы лексем могут носить как заимствованный (ср. прибалтийско-финские суффиксы — отглагольный *-us/üs*, представленный в карельском в виде *-uš/üš*, и отыменной *-(u)us/(ü)üs*,

⁷ Считается, что процесс утраты полумягких и появления согласных вторичного смягчения завершился к сер. XI в. [см. Иванов, с. 142–143], начало же контактов русских с прибалтийскими финнами относят к еще более раннему времени. Так, В. Н. Булатов указывает, что заселение русскими земель Заонежья и Поонежья началось уже в IX в. [Булатов, с. 104].

⁸ Считается, что в псковских говорах результаты перехода *e > 'o'* в целом представлены последовательно, но встречаются отдельные случаи сохранения *e* [Галинская, с. 89].

представленный в карельском в виде *-uš/üš* и в вепсском в виде *-už/üž* [ОФУЯ, с. 67, 69]), так и исконный характер.

Возможно, к этому же прибалтийско-финскому гнезду восходит пск., твер. *нёрко* 'цевка прялки' [СРНГ, вып. 26, с. 283]. Сходное слово есть также в словаре Даля, но, к сожалению, без указания географии: *нёрко ткацкое* 'шпулька, цевка' [Даль, т. 3, с. 102]. Это слово Даль помещает в статье на слово *перо* (имеется в виду птичье перо), наряду с *нёрко зелёного луку*⁹, указывая на сходство обеих реалий с дудкой птичьего пера [Там же, с. 101–102]. (Судя по общему контексту статьи, Даль имеет в виду сходство в том числе и по признаку наличия внутренней полости.) Сходство это действительно существует, в том числе и по признаку наличия полости, поскольку цевка представляет собой небольшую полую трубочку, которая используется для наматывания ниток (т. е. по сути это катушка), ср. «ткацкую» семантику этого термина: *цевка* 'деревянная или берестяная трубочка в *скальне*¹⁰, на которую навивают уточную нить; цевка вкладывается в челнок при тканье' [Громов, с. 66]. Что же касается цевки прялки, то это трубочка такого же типа для наматывания спряденной нити.

Вместе с тем, при наличии указанного сходства обращают на себя внимание некоторые нюансы. Анализ вторичных значений рус. *перо* показывает, что, помимо очевидного семантического сдвига, базирующегося на форме пера с учетом его расширяющейся верхней части, «опахала» (ср.: *перо* 'широкая, плоская часть, лопасть у различных приспособлений и инструментов (весла, лопаты и т. д.)', 'часть прялки, к которой прикрепляется пряжа', *перья* 'колосья, метелки овса' и т. п. [СРНГ, вып. 26, с. 286–287]), для развития переносных значений важной оказывается и семантика стержня, «стебля» пера. На базе последней появляются номинации различных стержней, планок, палок и т. п., ср.: *перо* 'стержень, срединное ребро лопасти' [Даль, т. 3, с. 101], 'отдельное сочленение стебля злаковых растений', 'длинное боковое весло на плоскодонном судне', 'железная планка плуга, к которой привинчивается лемех', 'приспособление для битья шерсти — палочка, которой натягивают струну', 'расширенная часть рукоятки косы', *перья* 'крестовина мотовила для пряжи' и т. п. [СРНГ, вып. 26, с. 286–287]. Однако для подобных номинаций семантика трубки, дудки, т. е. идея наличия внутренней полости, на которую указывает Даль, кажется неактуальной. По крайней мере, специального движения значений в сторону этой денотативной составляющей не наблюдается; значимым оказывается лишь само представление о вытянутом в длину стержне. Думается, что и подобная номинация листьев лука, вопреки мнению Даля, не столько связана с их трубчатым строением, сколько с вытянутой в длину формой и заостренным концом.

⁹ Добавим, что, по данным СРНГ, такая форма для обозначений лукового пера (*нёрко*) характерна для тверских и псковских говоров, т. е. тех говоров, где зафиксирована *нёрко* 'цевка прялки' [см. СРНГ, вып. 26, с. 283].

¹⁰ *Скально* 'приспособление для навивания ниток на цевки для утка — колодка с двумя стойками и укрепленным на них железным веретеном с колесом на пятке и острым противоположным концом, на который надевается цевка: железное веретено с деревянной колодочкой погоняется ладонью руки' [Громов, с. 66].

Ср. использование номинации *перо* в русском языке не только по отношению к листьям лука, но и по отношению к листьям чеснока, для которых не характерно трубчатое строение, зато они имеют сходную с луком форму — вытянутую и заостренную. Иными словами, создается впечатление, что факт трубчатого строения стержня пера оказался для русского языка не особенно значимым, в отличие от его (стержня) вытянутой формы.

Возвращаясь к обсуждаемой номинации цевки, отметим, что эту реалию, наверное, можно воспринимать не только как трубочку, но и как стерженек, поскольку ее длина явно преобладает над диаметром. Однако для северных говоров очень вероятен, на наш взгляд, именно первый (т. е. трубка) тип восприятия, поскольку одна из основных технологий изготовления цевок на Севере связана со сворачиванием в трубочку куска бересты. Ср. в этом плане наличие в севернорусских говорах одинаковых обозначений для большой катушки типа рассмотренной выше *порочки* и для сделанной из бересты цевки: *тура́чка* ‘большой полый цилиндр, на который разматывают пряжу с вороб, катушка’ — ‘цевка ткацкого станка или прялки, обычно представляющая собой полый берестяной или деревянный цилиндр’, а также *тури́к (туря́к), тюрё́к* — с тем же сочетанием значений [КСГРС] (все эти лексемы имеют заимствованное происхождение). Таким образом, получается, что обсуждаемое обозначение цевки (*пёрко*) может быть связано с прибалтийско-финским гнездом через семантику трубочки, вращения (трубочки при намотке нитки) и сворачивания (куска бересты). Вместе с тем, некоторая вероятность исконного происхождения лексемы все же остается, прежде всего в силу непонятной географии приведенного у Даля ткацкого термина.

Сокращения

В названиях административно-территориальных единиц

Арх — Архангельская область (губерния)	Олон — Олонецкая губерния
Беломор — Беломорский район Карелии	Он — Онежский район Архангельской области
Влг — Вологодская область (губерния)	Петр — Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Влгд — Вологодский район (уезд) Вологодской области (губернии)	Пин — Пинежский район Архангельской области
Выт — Вытегорский район Вологодской области	Плес — Плесецкий район Архангельской области
Карг — Каргопольский район Архангельской области	Прим — Приморский район Архангельской области
Карел — Карелия	Твер — Тверская губерния (область)
Кем — Кемский уезд Архангельской губернии	Тер — Терский район Мурманской области
Кон — Коношский район Архангельской области	Устюж — Устюженский район Вологодской области
Леш — Лешуконский район Архангельской области	Холм — Холмогорский район Архангельской области
Мез — Мезенский район Архангельской области	Череп — Череповецкий район Вологодской области
Мурман — Мурманская область	Яр — Ярославская губерния (область)
Новг — Новгородская область (губерния)	

В названиях языков и диалектов

арх. — архангельские говоры русского языка	лив. — ливский язык
вепс. — вепсский язык	люд. — людиковское наречие карельского языка
вод. — водский язык	
карг. — каргопольские говоры русского языка	приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
карел. — карельский язык	пск. — псковские говоры русского языка
карел. ливв. — ливвиковское (олонецкое) наречие карельского языка	рус. — русский язык
карел. твер. — тверской диалект карельского языка	твер. — тверские говоры русского языка
	фин. — финский язык
	эст. — эстонский язык

Прочее

мн. — множественное число

Источники

Громов А. В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1992.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1994. Репр. воспр. изд. СПб. ; М. : М.О. Вольф, 1880–1882.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург)

НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.

СКЯТ — Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск : Карелия, 1994.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. : СПб. : Наука, 1965—. Вып.1—.

ФРС — Финско-русский словарь / сост. И. Вахрос, А. Щербаков. Таллинн : Лорис, 1998.

Исследования

Булатов В. Н. Русский Север. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2006.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М. : Изд-во МГУ, 2002.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск : Периодика, 1999.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М. : Просвещение, 1990.

Мищенко О. В. К этимологии сев.-рус. *пилик* // Этимология 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 2007. С. 142–152.

Мищенко О. В. Рус. диал. *дожить до тюки, дожить до тюпы* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 175–177.

Мищенко О. В. К этимологии др.-рус. *пуз* // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2015. Вып. 4 : Этимология. С. 243–258.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : ПетрГУ, 2002.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб. : Наука, 2004.

ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / ред. коллегия: д-р филол. наук В. И. Лыткин [и др.]. М. : Наука, 1975.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; XLIV).

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XII).

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 556)

References

Bulatov, V. N. (2006). *Russkii Sever* [Russian North]. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus. (In Russian)

Galinskaya, E. A. (2002). *Istoricheskaja fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte* [Historical Phonetics of the Russian Dialects from the Linguistic-Geographical Perspectives]. Moscow: MGU Press. (In Russian)

Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* [The Origin of Finnish Words. An Etymological Dictionary] (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Finnish)

Itkonen, E., Joki, A., & Peltola, R. (Eds.). (1955–1981). *Suomen kielenetymologinen sanakirja* [An Etymological Dictionary of the Finnish Language] (Vols. I–VII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (In Finnish)

Ivanov, V. V. (1990). *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)

Kalima, J. (1919). *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (In German)

Lytkin, V. I., et al. (Eds.). (1975). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznanii: Pribaltiisko-finskie, saamskii i mordovskie iazyki* [Foundations of Finno-Ugric Linguistics: Finnic, Sami and Mordvinian Languages]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Mishchenko, O. V. (2007). K etimologii sev.-rus. *pilik* [On the Etymology of the Northern Russian *пилик*]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologija. 2003–2005* [Etymology. 2003–2005] (pp. 142–152). Moscow: Nauka. (In Russian)

Mishchenko, O. V. (2009). Rus. dial. *dozhit' do tiuki, dozhit' do tiupy* [Russian Dialectal *дожить до тюки, дожить до тюпы*]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologija: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the International Conference] (pp. 175–177). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Mishchenko, O. V. (2015). K etimologii dr.-rus. *puz* [On the Etymology of Ancient Russian *пуз*]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 4: Etimologia, 243–258. (In Russian)

Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiya Prisivir'ya: problemy etnoazykovogo kontaktirovaniya* [Prisivirye Toponymy: Issues of Ethnic and Linguistic Contacts]. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russian)

Myznikov, S. A. (2004). *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Severo-Zapada: Etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Finno-Ugric Vocabulary in the Russian Dialects of the North-West: An Etymological and Areal Analysis]. St Petersburg: Nauka. (In Russian)

Zajkov, P. M. (1999). *Grammatika karel'skogo iazyka (fonetika i morfologija)* [Karelian Grammar (Phonetics and Morphology)]. Petrozavodsk: Periodika. (In Russian)

Мищенко Ольга Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: olgamishchenko@yandex.ru

Mishchenko, Olga Valeryevna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics, and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., room 306,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: olgamishchenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4611-4305
Researcher ID: X-5090-2018